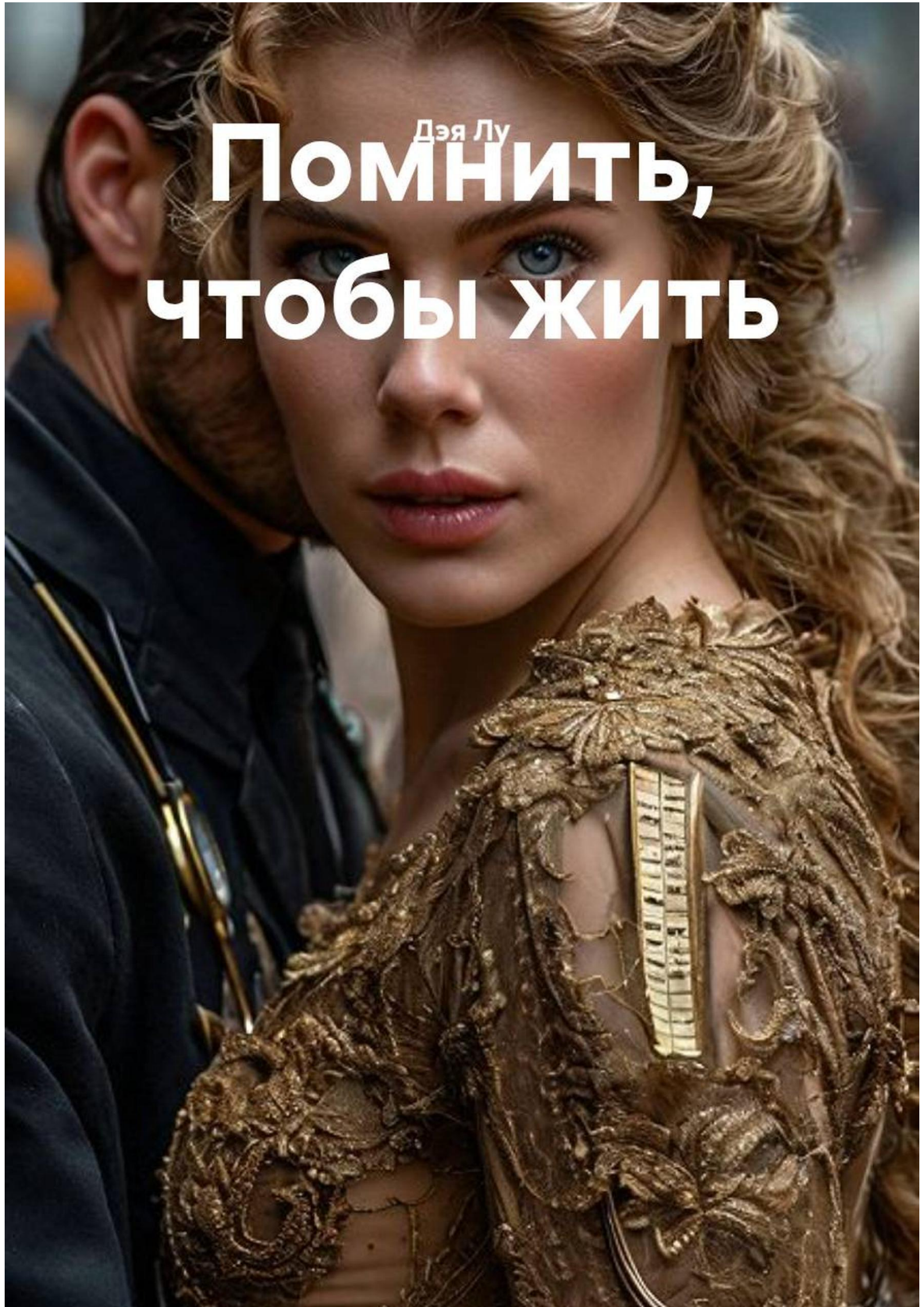

Дэя Лу

ПОМНИТЬ, ЧТОБЫ ЖИТЬ

Дэя Лу

Помнить, чтобы жить

«Автор»

2026

Лу Д.

Помнить, чтобы жить / Д. Лу — «Автор», 2026

Эмбер умирает от пулевого ранения на руках у своего жениха. Последнее, что она слышит, — голос врача: «Время смерти — одиннадцать сорок три». Эмбер помнит только своё имя и лицо мужчины, который плакал над её умирающим телом. Очнувшись в таинственном городе Эртанте, она узнаёт страшную правду: все жители этого мира — перерождённые, умершие в своих реальностях. На их левых запястьях сияют золотые метры, и каждая новая отметка — шаг в забытое прошлое. Каждые две недели метра отправляет Эмбер в Испытание, заставляя заново пережить кусочки её собственной жизни. Воспоминания возвращаются обрывками: предательство, любовь, лаборатории, проект «Эос» и человек, которого она, возможно, любила. Но чем больше Эмбер узнаёт, тем яснее понимает: её смерть не была случайностью, а прошлое таит секреты, способные разрушить не только её, но и весь Эртант. Тем, кто ищет любовь, загадку и тайну. Это — ваша история. Откройте её.

© Лу Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1.	8
Глава 2.	14
Глава 3.	17
Глава 4.	23
Глава 5.	30
Глава 6.	35
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Дэя Лу

Помнить, чтобы жить

Пролог

— Эмбер... Эмбер, ну же, очнись.

Голос доносится будто сквозь толщу воды. Меня трясут за плечи, но я не подаю признаков жизни. Тело ватное, непослушное.

— Нет, только не покидай меня, — срывается мужской голос. В нём отчаяние.

Я хочу крикнуть: «Я здесь! Я жива!» — но не могу даже пошевелиться.

— Скорую! Вызовите скорую! — кричит он уже не таясь.

— Вызвали! — отвечает кто-то из толпы.

— Солнышко... только держись.

Приехала скорая. Меня всё так же кто-то держит на руках. Не отпускает.

Аккуратно, но быстро перекладывают на каталку. Я слышу чужие мужские голоса — отрывистые, деловитые.

— Что с ней?

— Пулевое ранение в грудную клетку. Входное отверстие справа, выходного нет. Кровь идёт активно. Кем вы ей приходитесь?

— Жених.

— Кровопотеря серьёзная. Давление — сорок на двадцать.

— Пульс нитевидный... Так, пульс пропал.

— Срочно в операционную! Начинаем реанимацию в машине.

Меня закатывают внутрь. Вой сирены режет уши. Кто-то командует: «Раз, два, три» — и грудную клетку сдавливает резким, ритмичным толчком.

— Нет реакции. Адреналин!

Препарат вливается жаром по венам.

— Ещё раз!

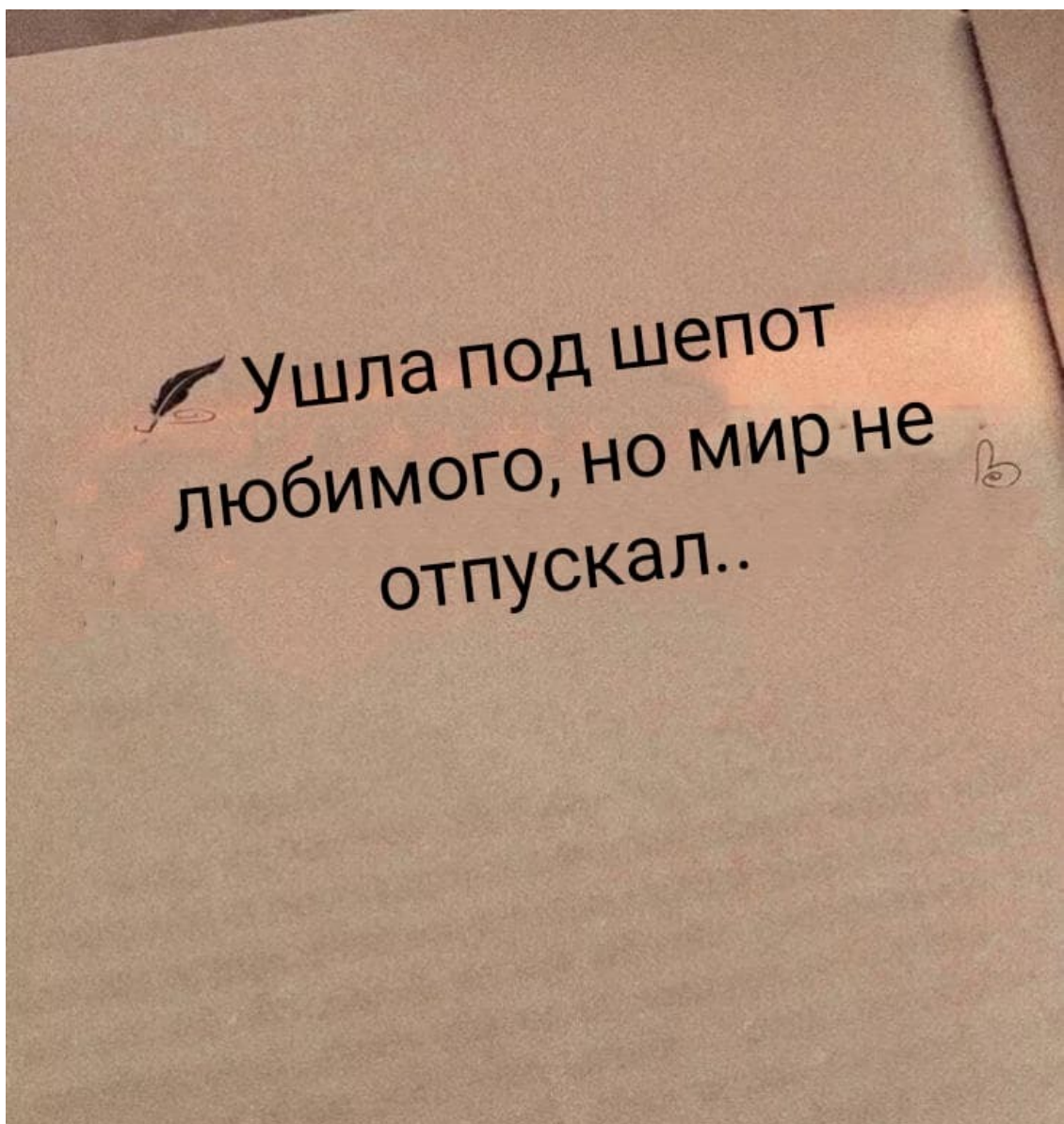
Толчок. Ещё. Свет над головой мигает и расплывается в белое сияющее пятно.

— Время — одиннадцать сорок три. Констатирую смерть.

Я уже не слышу окончания фразы. Голоса уходят вдаль, будто я падаю в глубокий тёмный колодец. В последнюю секунду, где-то далеко-далеко, доносится его шёпот:

— Прощай, Эмбер...

А потом — пустота. Ни звука. Ни света. Ни боли.

Часть. 1. Золотая нить

Глава 1.

Сознание возвращается рывком — резким, болезненным, будто кто-то дёрнул за шнур выключенной лампы, и она снова загорелась. Я открываю глаза. Надо мной — низкий бревенчатый потолок, потемневший от времени и копоти. Пахнет сухими травами, дымом, чем-то терпким и незнакомым. Пахнет жизнью.

Я резко сажусь — и тут же жалею об этом. Голова кружится, перед глазами плывут чёрные точки, а сердце колотится так, будто хочет вырваться из груди. Я прижимаю ладонь к грудной клетке — туда, где должно быть входное отверстие от пули.

Ничего. Только грубая серая ткань рубашки и кожа под ней — горячая, живая, гладкая. Ни раны. Ни крови. Ни боли.

Но ведь я помню.

Помню лицо — мужское, красивое, искажённое отчаянием. Помню его крик: «Нет, только не покидай меня». Помню, как он тряс меня за плечи, как прижимал к себе, как его голос срывался в шёпот: «Солнышко... только держись». Помню вой сирены, холод каталоги, чужие руки, чужие голоса. «Пулевое ранение». «Давление — сорок на двадцать». «Пульс пропал». Адреналин. Реанимация. И потом — резкий, отрывистый голос: «Время — одиннадцать сорок три. Констатирую смерть».

А потом — пустота. Ни звука. Ни света.

И вот теперь — бревенчатый потолок и запах трав.

Я жива.

И я ничего не помню. Кроме имени. Эмбер.

Кто я? Что это за место? Кто в меня стрелял? Почему я оказалась здесь — и где это «здесь»? Пустота в голове звенит, как натянутая струна. Есть только имя — и лицо того мужчины. Он звал меня солнышком. Он плакал.

Я сижу на кровати, обхватив колени руками, и только теперь замечаю, что тело какое-то чужое. Лёгкое. Слишком лёгкое, будто до этого я носила тяжёлый доспех, а теперь наконец сняла его. Руки и ноги слушаются с непривычной, пружинистой готовностью, как у человека, который никогда не был болен. Как у того, кто родился заново.

Я поднимаю руки к лицу, чтобы растереть виски, прогнать туман из головы — и замираю.

На левом запястье, прямо под ладонью, там, где кожа самая тонкая и просвечивают голубые жилки, сияет линия.

Тонкая. Золотистая. Она не похожа на рисунок, нанесённый сверху — краской или иглой. Она идёт изнутри, из-под кожи, будто вена, по которой течёт не кровь, а расплавленный свет.

Длиной не больше ногтя. Она едва заметно пульсирует в такт сердцу — или мне это только кажется?

Я подношу запястье к глазам. Свет в комнате тусклый — окно закрыто ставнями, горит только свеча на столе, — но линия видна идеально чётко. Она не бликует, не отражает свет, она сама — источник. Тёплый, тихий, живой.

Я провожу по ней пальцем правой руки. Медленно. Осторожно.

И вздрагиваю.

Это не просто тепло. Это ток. Слабый, щекотный импульс, который от запястья бежит вверх по руке, потом — по плечу, в шею, и оседает где-то глубоко под сердцем тревожной, сладкой дрожью. Будто я коснулась не кожи, а оголённого нерва. Будто я дотронулась до собственной памяти — и она шевельнулась во тьме, как разбуженный зверь.

Что это? Кто это сделал? И когда?

Я не знаю. Но отчего-то точно знаю: это не болезнь. Не клеймо. Не рана. Это часть меня.

Я сижу, прижав запястье к груди, когда дверь скрипит и открывается.

На пороге стоит парень.

Высокий. Широкие плечи, светлые волосы взлохмачены, будто он только что провёл по ним пятернёй. На нём свободная туника из небелёного льна, перехваченная на поясе кожаным ремешком с парой подсумков. Штаны из грубой, но чистой ткани, заправленные в высокие сапоги. Одежда простая, добротная, но незнакомая — такую не носят в моём мире. Или в моём времени.

Лицо у него открытое. Сейчас на нём застыло странное выражение — смесь тревоги и облегчения, как у человека, который несколько часов просидел у постели больного и наконец дождался, когда тот откроет глаза.

— Очнулась, — выдыхает он. Голос глубокий, с тёплой хрипотцой. — Ну наконец-то. Мы уж думали, ты не придёшь в себя. Знахарка сказала — жива. Тело здоровое, сердце бьётся. Но сознание ушло слишком глубоко. Говорила, может, и не вернёшься.

Он делает шаг в комнату, и в тусклом свете свечи я вижу его лучше. Молодой, может, двадцать-двадцать два года. На скуле — тонкий белый шрам. Глаза серые, внимательные.

— Где я? — голос звучит хрипло, будто я не говорила много дней. Я прочищаю горло. — Что это за место? И кто вы?

Парень садится на грубо сколоченный табурет у кровати и складывает руки на коленях. Движения спокойные, но в глазах — настороженность. Не враждебная. Скорее — заботливая.

— Меня зовут Кевин. Ты в городе Эртант. Это... как бы тебе объяснить. Это не совсем обычный город. Он не на картах. И попадают сюда не по своей воле.

— Что значит «не по своей воле»? — я хмурюсь и машинально прижимаю одеяло к груди.

— Ты умерла, Эмбер, — говорит он просто, без пафоса, без намёка на шутку. — И родилась заново. Здесь. Поэтому ты ничего не помнишь. Так бывает у всех перерождённых в первые дни. Память приходит потом. Или... не приходит. Зависит от тебя.

Я смотрю на него во все глаза. Умерла. Переродилась. Слова звучат как бред. Но что-то внутри меня — не разум, а что-то глубже, что-то на уровне костей — знает: он не лжёт.

Дверь снова открывается. На этот раз в комнату входит девушка.

Она невысокая, изящная, с каштановой косой, которая спускается через плечо почти до пояса. Волосы густые, блестящие, с рыжеватым отливом там, где на них падает свет свечи. Черты лица тонкие, правильные, но не кукольные — в них есть что-то острое, волевое, особенно в линии скул. Глаза янтарного цвета смотрят прямо, изучающе, но без наглости. Одежда похожа на одежду Кевина — простая туника, только из более светлой ткани, и на поясе висит не ремешок, а целый пояс с маленькими кармашками разного размера. В руках она держит глиняную кружку, от которой поднимается пар. Запах — травяной, горьковатый, но приятный.

— Привет, соня, — говорит она. У неё голос звонче, чем у Кевина, и говорит она быстрее, будто привыкла, что её перебивают и нужно успеть высказаться до того, как отнимут слово. — Меня зовут Кейси. А это — он уже представился — Кевин. Мы нашли тебя у восточных ворот вчера вечером. Ты лежала лицом в пыли. Мы сначала подумали — мёртвая. А потом ты задышала и мы притащили тебя к знахарке. Ну, то есть, Кевин притащил. Я только сумку несла. Но это детали. Важно, что ты жива и уже сидишь.

Она садится на край кровати — без спроса, но так естественно, что это не кажется вторжением. Протягивает мне кружку.

— Выпей. Это отвар. Горький, зараза, но полезный. Помогает вернуть силы и прояснить голову. Знахарка специально для тебя оставила. Сказала — очнётся, сразу напои.

Я беру кружку в ладони. Глина тёплая, шероховатая, приятная на ощупь. Делаю осторожный глоток. Отвар действительно горький, вяжущий язык, но он горячий, и от него по телу разливается спокойное, уверенное тепло. Будто внутри зажгли маленькую свечку.

— Спасибо, — говорю я, и голос звучит уже твёрже. — Меня зовут Эмбер. Я... я больше ничего не помню. Только имя. И ещё...

Я замолкаю. Кейси наклоняет голову, и её коса скользит по плечу.

— Что «ещё»?

— Я помню, как умирала. Пуля. Кровь. Врач сказал: «Время — одиннадцать сорок три. Констатирую смерть». А потом темнота. А потом вы.

Кейси и Кевин переглядываются. Между ними происходит тот молчаливый диалог, который бывает только у людей, давно и хорошо знающих друг друга. Одно короткое движение бровей — и они приходят к какому-то общему выводу.

— Память о смерти — это нормально, — говорит Кейси, снова поворачиваясь ко мне. — Почти все перерождённые помнят свои последние минуты. А вот то, что было до этого — стирается. Иногда навсегда. Иногда — до первого Испытания.

— До первого чего?

Вместо ответа Кейси берёт мою левую руку и осторожно, кончиками пальцев поворачивает запястьем вверх. Моя золотая линия сияет в полутьме. Кейси смотрит на неё с интересом — так, как художник смотрит на чужой эскиз.

— Метра, — говорит она тихо. — Уже появилась. Значит, процесс пошёл правильно. Иногда у новеньких метра задерживается на несколько дней. А у тебя — сразу. Это хорошо. Или плохо. Зависит от того, что она тебе покажет.

Она отпускает мою руку и закатывает левый рукав своей туники. Сначала до локтя. Потом — выше, почти до плеча. И я вижу.

Вся её левая рука, от запястья до сгиба локтя, покрыта сложным, невообразимо красивым узором из тонких золотых линий. Они переплетаются, словно корни векового дерева, расходятся и сходятся снова. Это не хаотичный рисунок — в нём есть ритм, есть структура, есть смысл, который я пока не могу разгадать. Линии разной толщины: некоторые — едва заметные, словно волоски, другие — яркие и чёткие. И среди них — двадцать четыре поперечные чёрточки, похожие на зарубки на мерной планке или на древке копья, которое помнит каждую битву. Чёрточки вплетены в общий узор, но при этом выделяются — они темнее, глубже, и от них исходит едва заметное свечение, немного другого оттенка, не золотого, а с примесью серебра.

— Это моя метра, — говорит Кейси. Она кладёт свою руку на одеяло рядом с моей. — Двадцать четыре шага. Каждая такая чёрточка — это одно Испытание, которое я прошла. Один кусок моего прошлого, который я увидела и приняла. Или пережила заново. Или переиграла. Зависит от того, что мне выпало.

Я смотрю на свою руку. Одна короткая линия. Одна.

— А твоя метра — это начало, — продолжает Кейси. — Она появилась сегодня ночью. Ты ещё ничего не прошла кроме смерти. Но это временно. Метра растёт. Не спрашивай как — я не знаю. Может, она как растение, которое питается переживаниями. Может, это магия. Может, технология настолько продвинутая, что мы не отличаем её от чуда. Но факт остаётся фактом: каждые две недели она начинает жечь. И тогда ты отправляешься в Испытание.

— В Испытание, — повторяю я. — Куда?

— В своё прошлое, — говорит Кевин от двери. Он всё это время стоял, скрестив руки на груди. — Не в чьё-то чужое. Не в абстрактный лабиринт. А в твою собственную жизнь. В

те моменты, которые ты забыла. Или которые привели тебя к смерти. Метра — это как ключ. Или как дверь. Она открывает то, что закрыто.

— Но зачем?

Кейси вздыхает и убирает руку с одеяла. Рукав туники падает обратно, скрывая узор.

— Этого мы не знаем, Эмбер. Правда не знаем. Никто из нас. Мы все — перерождённые, которые умерли в своих мирах и очнулись здесь. В Эртанте нас около сотни. И у каждого на левой руке — метра. Каждые две недели она отправляет нас в прошлое. Мы проживаем заново определённые моменты своей жизни. Иногда — по несколько минут. Иногда — дни. И мы должны что-то сделать. Понять. Принять. Исправить. Или просто — пережить. А если не справляемся...

Она замолкает. Я жду.

— Если не справляемся, мы умираем, — заканчивает Кевин. — Не только там. Но и здесь. Навсегда.

В комнате повисает тишина. Только свеча потрескивает на столе, и где-то далеко, за стенами, слышен приглушённый собачий лай. Я смотрю на свою метру — крошечную золотую ниточку. Она всё так же пульсирует в такт сердцу. Или это моё сердце пытается подстроиться под её ритм?

— Но что я должна вспомнить? — тихо спрашиваю я. — Если я ничего не помню?

Кейси улыбается — грустно, почти нежно.

— Вот в этом и суть, Эмбер. Твоя метра всё помнит за тебя. В ней хранится всё. Вся твоя жизнь. Все твои ошибки. Все твои тайны. И она будет показывать их тебе — кусочек за кусочком. Пока ты не вспомнишь всё.

— Или пока не умрёшь, — добавляет Кевин.

Кейси пихает его локтем в бок.

— Ты вообще не умеешь обнадёживать, ты в курсе?

— Я реалист, — пожимает плечами он.

Но я почти не слышу их перепалку. Я смотрю на золотую линию на запястье. Она маленькая, но она живая. И она — я. Или я — это она.

— Завтра утром, — говорит Кейси, поднимаясь с кровати, — мы покажем тебе город. И Коллегиум покажем. Там учат всему, что нужно знать перерождённому. Медитации, контроль памяти, основы выживания в прошлом. История миров — настоящих, из которых мы все родом. Тебе понадобятся эти знания. А пока — спи. Отдыхай. Тебе нужно набраться сил. Первое Испытание обычно приходит раньше, чем ждёшь.

Она забирает у меня кружку и поправляет одеяло. Кевин кивает и выходит, закрывая за собой дверь.

— Почему вы помогаете мне? — спрашиваю я, когда Кейси уже берётся за дверную ручку.

Она оборачивается. На мгновение я вижу в её янтарных глазах что-то очень старое и очень усталое. Что-то, что не соответствует её юному лицу.

— Потому что когда-то мы тоже открыли глаза в незнакомом городе и ничего не помнили, — тихо говорит она. — И кто-то помог нам. Это главное правило Эртанта: не бросать новеньких. Потому что в одиночку свои прошлые жизни не вытащить. А ещё...

Она замолкает.

— Что?

— А ещё твоя метра очень похожа на мою, когда она только появилась, — говорит Кейси. — Такая же тонкая. Такая же яркая. Я тогда тоже ничего не помнила. А теперь помню слишком много.

Она выходит, и дверь за ней закрывается. Я остаюсь одна.

В комнате тихо. За окном — глубокое, тёмное небо без звёзд. Свеча на столе догорает, пламя колеблется. Я поднимаю левую руку и снова смотрю на метру. Крошечная золотая нить. Моя первая линия. Моё первое начало.

Что ты скрываешь? Чьё лицо я видела перед смертью? Почему он назвал меня солнышком? И почему при мысли о нём внутри поднимается такая боль, что хочется закричать, хотя я даже не помню его имени?

Я ложусь и прижимаю запястье к груди. Метра мягко светится сквозь пальцы. Я засыпаю под её тихую пульсацию, и в моём сне нет ничего — только голос. Мужской. Далекий.

«Прощай, Эмбер».

Я не знаю, прощается он или обещает вернуться.

Глава 2.

Утро встречает меня ярким солнечным лучом, который пробивается сквозь щель в деревянных ставнях. Луч падает прямо на лицо — тёплый, настойчивый. Я просыпаюсь медленно, выплывая из глубокого, тяжёлого сна без сновидений. Первое, что я чувствую — тепло на левом запястье. Метра.

Я поднимаю руку к лицу. Золотая линия на месте. Она всё та же — тонкая, короткая, но, кажется, стала чуть ярче, чем вчера. Или это только игра света. Солнце делает её почти невидимой — в утренних лучах золото теряется на коже, но если чуть повернуть запястье, она вспыхивает.

Я долго лежу и смотрю на неё. Пытаюсь привыкнуть. Пытаюсь принять.

Человек, который меня убил — или который был рядом, когда меня убивали — он тоже где-то там, внутри этой линии. И однажды мне придётся вернуться к нему. Увидеть его снова.

От этой мысли внутри всё сжимается. Но вместе со страхом приходит и что-то ещё. Любопытство. Желание узнать. Потому что не знать — ещё страшнее.

Я сажусь на кровати и оглядываю комнату. При дневном свете комната выглядит иначе — не таинственно и мрачно, а просто и уютно. Бревенчатые стены, выскобленный добела деревянный пол. На полках — глиняные горшки с крышками, пучки сухих трав, связки каких-то корней. У окна — стол из грубо отёсанных досок, а на нём — ступка с пестиком, остатки растёртой смеси, похожей на сушёные лепестки. В углу — круглая печь, обмазанная глиной, сейчас не топлена, но от неё всё ещё веет вчерашним теплом. Всё простое, но сделанное с заботой.

На табурете рядом с кроватью лежит аккуратно сложенная одежда. Я беру её в руки и рассматриваю. Туника светло-серого цвета из мягкой льняной ткани, свободного кроя, но с вытачками на талии, так что будет сидеть по фигуре. Штаны из похожей ткани, удобные, с завязками на щиколотках. И кожаные сандалии — простые, на плоской подошве, с ремешками, которые оплетают лодыжку. Кто-то оставил это здесь, пока я спала. Кейси или знахарка.

Я одеваюсь, завязываю волосы в хвост найденной на столе кожаной тесёмкой и выхожу за дверь.

За дверью оказывается небольшая гостиная. Здесь уютнее — круглый стол, несколько табуретов, большой очаг, в котором уже потрескивает утренний огонь. На стене висит тканый гобелен с каким-то сложным геометрическим узором, напоминающим переплетённые ветви. Или метры.

За столом сидят Кевин и Кейси. Перед ними глиняные кружки, плетёная корзинка с хлебом, миска с мёдом и несколько яблок. Кейси что-то рассказывает, размахивая руками, но при виде меня замолкает.

— Доброе утро! — она улыбается. Улыбка у неё открытая, живая. — Ну, как ты? Как спалось? Сны были?

Я сажусь к столу, и Кевин пододвигает мне кружку и отламывает кусок хлеба.

— Спала без снов, — говорю я. — Но метра всё ещё здесь. Я проверяла.

Кевин коротко усмехается.

— Боишься, что исчезнет?

— Боюсь, что всё это сон. И я проснусь в другом месте. Или не проснусь вообще.

Кейси намазывает хлеб мёдом и протягивает мне.

— Это нормально. Все мы через это проходили. Я первые три дня вообще не могла поверить. Всё ждала, что сейчас закрою глаза — и открою в каком-нибудь другом мире. Но Эртант — он довольно настырный. Он не отпускает.

— Ну, показывай, — говорит Кевин.

— Что показывать?

— Руку.

Я кладу левую руку на стол ладонью вверх. Золотая линия сияет в утреннем свете. Кейси закатывает свой рукав до локтя — на свету её метра кажется ещё сложнее и красивее. Каждая линия переливается, как настоящий драгоценный металл. Кевин тоже обнажает своё запястье — его метра чуть короче, чем у Кейси, четырнадцать чёрточек вместо двадцати четырёх, но линии более прямые, резкие, словно высеченные резцом. Они не такие изящные, как у Кейси, но в них чувствуется сила.

— Поздравляю, — говорит он. — Теперь ты официально перерождённая.

После завтрака они выводят меня на улицу.

Я замираю на пороге дома знахарки, не в силах сдержать изумлённого вздоха.

Город Эртант — это не просто город. Это лабиринт. Узкие мощёные улочки выются между деревянными домами с островерхими крышами, крытыми красной черепицей. Фасады украшены резными наличниками и ставнями, раскрашенными в разные цвета — где синий, где зелёный, где выцветший от времени жёлтый. Над входными дверями висят пучки сухих трав и маленькие кованые фонари, которые сейчас не горят, но вечером, наверное, превращают улицы в золотую сеть.

Воздух пахнет цветущей липой, речной водой и свежим хлебом. Где-то рядом, за поворотом, должно быть, пекарня — слышен запах сдобы и корицы. Над крышами носятся ласточки, и их острые крылья рассекают утренний свет.

Мы выходим на главную улицу. Здесь шире, больше людей. Прохожие одеты примерно так же, как мои спутники — простая, но добротная одежда, натуральные ткани, никакой синтетики. Женщины в длинных юбках, мужчины в туниках и штанах, дети бегают босиком прямо по мостовой. У одного мальчишки я замечаю на запястье слабый золотистый проблеск. Перерождённый. Ребёнок.

— Сколько здесь живёт перерождённых? — спрашиваю я, провожая мальчика взглядом.

— Около сотни, — отвечает Кевин. — Всего в Эртанте — тысячи три жителей. Остальные — коренные. Они родились здесь, живут и умирают здесь. Про метру они знают, но не вмешиваются. Уважают. Некоторые даже завидуют. Представляешь? Завидуют тому, что мы каждые две недели рискуем жизнью ради кусочка собственного прошлого.

— А вы сами откуда? — спрашиваю я. — Вы из одного мира?

Кейси качает головой.

— Я из мира, который называется Аэлис. Там сплошные океаны и летающие острова. Кевин — из Орены, где вместо солнца — три луны и вечные сумерки. Мы все из разных реальностей. Но всех объединяет одно: мы умерли в своих мирах. И родились здесь.

Мы проходим мимо рыночной площади. Торговцы раскладывают товар — связки трав, глиняную посуду, ткани, украшения, оружие. Да, оружие — на одном из прилавков я вижу ножи и короткие мечи, разложенные на выцветшем бархате. Рядом с ними — кожаные наручи и наплечники. Товар для перерождённых, догадываюсь я.

— Оружие — это обязательно? — тихо спрашиваю я.

— Не всегда, — отвечает Кейси. — Зависит от прошлого. Если ты была солдатом или попала в переделку — пригодится. Если твоя жизнь была мирной — возможно, и не понадобится. Но это никогда не знаешь заранее. Поэтому в Коллегиуме учат всему.

И вот мы перед ним.

Коллегиум Эртанта — это двухэтажное здание из светлого камня с широкими окнами, забранными коваными решётками. Вывеска над входом вырезана из дерева и выкрашена в золотой: «Коллегиум Эртанта» — а ниже, более мелкими буквами: «Знание — опора идущего сквозь тьму». Вокруг здания разбит небольшой сад с дорожками, посыпанными гравием, и каменными скамьями. На скамьях сидят студенты —

Глава 3.

Тьма расступается не сразу. Сначала возвращаются звуки — обрывками, как настроенное между станциями радио. Шум дождя. Шелест шин по мокрому асфальту. Где-то далеко — сирена, и сердце пропускает удар, но нет, это не та сирена, не скорая, просто полицейская машина пронеслась где-то в соседнем квартале. Потом запахи: мокрый асфальт, бензин, нагретый металл двигателя, и — тонкий, цветочный, с нотками жасмина и ванили. Мои духи. Я узнаю их мгновенно, хотя не помню, как они называются.

Потом — ощущения. Я сижу. Спинка кожаного сиденья мягко давит на позвоночник, под ладонями — прохладная ткань платья. Пальцы сжимают подол, сминают складки. Я смотрю на руки — и вздрагиваю. Это мои руки. Но не те, к которым я привыкла за последние два дня в Эртанте. Эти руки тоньше, изящнее, с аккуратным маникюром и серебряным кольцом на среднем пальце. Кольцо — тонкий ободок с крошечным камнем, опалом или лунным камнем, — выглядит дорогим и особенным.

А потом приходит зрение.

Я сижу на пассажирском сиденье автомобиля. Салон кожаный, тёмно-серый. Приборная панель мягко светится голубоватым — цифры, стрелки, экран навигатора. Ночь. За окнами — городские огни, размытые дождём, стекающим по стеклу. Фары встречных машин выхватывают из темноты мокрый асфальт, белые полосы разметки, фасады домов.

И человека за рулём.

Он поворачивает голову — и я забываю, как дышать.

Это он. Тот самый мужчина из моего последнего воспоминания. Тот, кто держал меня на руках, когда я умирала. Тот, кто кричал «не покидай меня». Тот, кто назвал меня солнышком.

Но сейчас он другой. Не перекошенный отчаянием, не бледный от ужаса. Сейчас он спокоен, расслаблен, одна рука лежит на руле, другая — на моём колене. Тёплая, тяжёлая, уверенная ладонь. Темноволосый, с резкими, красивыми чертами лица, какие бывают у моделей или актёров. Глаза глубокого синего цвета — в свете встречных фар они почти чёрные, но я точно знаю, что они синие. Чувствую, что знаю. Так же, как знаю, что меня зовут Эмбер.

— О чём задумалась? — спрашивает он. Его голос низкий, с бархатными нотками. Тот самый голос, который кричал «Скорую! Вызовите скорую!».

Я не помню его имени. Я не помню, кем он мне был. Но по тому, как он смотрит на меня — с теплотой, с нежностью, с тенью улыбки в уголках губ, — я понимаю: мы были близки. Очень близки.

— Я... — я замолкаю. Что сказать? Что я только что умерла в другом мире? Что я не помню, какой сегодня день и куда мы едем? Что внутри меня — пустота, в которой звенит только одно слово: «Прощай, Эмбер»?

— Ты какая-то странная сегодня, — он легко сжимает моё колено. — Всё нормально? Не замёрзла?

Он тянется к панели управления и прибавляет обогрев. Движения уверенные, привычные. Он знает эту машину до последней кнопки. Он знает меня.

— Всё нормально, — говорю я. Мой голос звучит иначе, чем в Эртанте — мягче, выше, музыкальнее. Это голос женщины, которая не знает, что скоро умрёт. — Просто задумалась. Долгий день.

— Это да, — он усмехается. — Но завтра суббота. Отоспимся. Может, съездим к океану? Помнишь тот ресторанчик на скалах, где мы были в прошлом году? С террасой и видом на маяк?

Я не помню. Но киваю.

— Да, было бы здорово.

Машина мягко катит по ночному городу. Дождь усиливается, дворники работают быстрее. Я украдкой разглядываю салон, пытаюсь найти зацепки. Бардачок. Солнцезащитный козырёк. На приборной панели — маленькая фотография в рамке на присоске. Я приглядываюсь: он и я, на фоне заката, он обнимает меня сзади, я смеюсь. Счастливые. Невероятно счастливые.

Когда это было? За сколько дней до выстрела?

И тут он говорит то, от чего у меня внутри всё обрывается.

— Хочешь, заедем к твоему отцу? Ты говорила, он ждёт какой-то важный пакет.

Отец. У меня есть — был — отец. И он что-то мне передал. Важный пакет.

И в этот момент метра на левом запястье — та самая, которой здесь по идее не должно быть, ведь я в своём прошлом теле — вдруг обжигает теплом. Я машинально опускаю глаза и вижу: сквозь кожу, сквозь ткань рукава платья проступает слабое золотистое свечение. Оно пульсирует в такт сердцу — или в такт чему-то другому. Будто указатель. Будто подсказка.

Отец. Пакет. Это важно. Это ключ.

— Да, — говорю я, и голос звучит твёрже. — Давай заедем.

Он кивает и перестраивается в другой ряд, чтобы свернуть на следующем перекрёстке. Я смотрю на огни города, на дождь, на его профиль, подсвеченный приборной панелью. И чувствую, как внутри нарастает тревога.

Я не просто смотрю своё прошлое, как фильм. Я проживаю его. Принимаю решения. Меняю ход событий. Или... не меняю?

Правила Испытания мне не объяснили. Что будет, если я не заеду к отцу? Что будет, если я сделаю что-то не так, как было в реальности? Я не знаю. Я должна действовать по наитию.

Машина сворачивает в тихий жилой район. Улицы здесь уже — деревья нависают над дорогой, фонари редкие. Дома стоят в глубине участков, спрятанные за живыми изгородями и старыми дубами.

— Ты же говорила, он будет один? — спрашивает мужчина.

— Кажется, да, — я не знаю, что ответить. — А что?

— Да так, — он пожимает плечами. — Мне показалось, когда мы в прошлый раз заезжали, там было две машины у крыльца.

Я не помню. Я ничего не помню. Но внутри холодеет.

Две машины. Кто-то ещё.

Метра снова обжигает запястье, на этот раз сильнее. Это не просто тепло — это предупреждение. Опасность.

— Может, не поедем? — вырывается у меня.

Он удивлённо смотрит на меня.

— Эмбер? Что случилось? Ты же сама хотела.

— Я... — я замолкаю. Что сказать? Что у меня дурное предчувствие? Что золотая метка на руке, которую он не видит, кричит мне об опасности?

— Просто устала, — говорю я. — Давай завтра. Заедем завтра утром.

Он хмурится, но послушно притормаживает у обочины и начинает разворачивать машину. Я чувствую, как внутри распускается тугой узел облегчения. Может, я только что что-то изменила? Может, если я не поеду туда, выстрела не будет?

Дождь всё льёт. Дворники мелькают. Мы едем обратно по пустой ночной дороге. Он берёт меня за руку, переплетает пальцы, и его ладонь тёплая и сильная.

— Ты у меня странная сегодня, — повторяет он, но теперь с нежностью. — Но я люблю тебя, даже странную.

Я молчу. Потому что я не помню, как его зовут. Не помню, люблю ли я его. Но что-то внутри — то самое, что помнит метра, — отзывается болью и теплом одновременно.

Мы проезжаем перекрёсток. Красный свет светофора расплывается в мокром стекле алым пятном. Машина слева слишком поздно замечает нас. Визг тормозов. Удар. И мир переворачивается.

Меня бросает в сторону, ремень впивается в плечо, осколки стекла летят, как сверкающий снег. Кричу ли я? Не знаю. Мой голос тонет в скрежете металла.

А потом — темнота. Та самая.

Но на этот раз я не падаю в колодец. Я вишу в темноте, как будто подвешенная за золотую нить, которая тянется от запястья в бесконечность. И откуда-то издали доносится голос. Не Кевина. Не Кейси. Чей-то ещё. Холодный, равнодушный, механический — и одновременно живой.

«Первое Испытание завершено. Результат: частичное прохождение. Ключевое событие обнаружено, но не раскрыто. Попытка первая. Допустимое количество попыток: три. Время до следующего возврата: четырнадцать дней по локальному исчислению Эртанта».

Голос замолкает. Метра на запястье вспыхивает ослепительным золотым светом, и я чувствую, как меня тянет вверх, выдёргивает из темноты, как куклу на нитке.

Я открываю глаза.

Надо мной — потолок. Уже знакомый. Белёные доски, поперечная балка. Я в своей комнате в общинном доме. За окном — ночь, но другая, не та дождливая городская. В окно заглядывают звёзды, крупные и яркие, как не бывает в мегаполисе.

Я пытаюсь пошевелиться — и чувствую, что мою левую руку кто-то держит. Тёплая, сухая ладонь. Я поворачиваю голову.

Кейси сидит на табурете у моей кровати. Рядом стоит Кевин, уперев руки в поясницу. На полу догорает свеча в глиняной плошке. Они здесь всю ночь?

— Вернулась, — выдыхает Кейси. Глаза у неё красные то ли от усталости, то ли от слёз. — Ты вернулась!

Она отпускает мою руку, и я вижу: на её ладони остался золотистый отпечаток — там, где она соприкасалась с моей метрой. Он медленно гаснет, растворяется в коже.

— Сколько меня не было? — голос хриплый, как в первый раз, когда я очнулась в доме знахарки.

— Почти сутки, — отвечает Кевин. — Мы думали... всякое думали. Первое Испытание у новеньких — самое непредсказуемое. Некоторые не возвращаются.

Я медленно сажусь. Голова кружится, но уже меньше. Тело какое-то переполненное — будто я выпила слишком много крепкого чая или пробежала несколько миль без остановки. Нервы звенят, каждый звук — скрип половицы, треск свечи, тихое дыхание Кейси — кажется слишком громким.

— Покажи метру, — говорит Кейси.

Я поднимаю левую руку к глазам — и ахаю.

Золотая линия изменилась. Она стала длиннее. Раньше она едва доходила до середины ладони, а теперь тянется почти на сантиметр. И на ней появилась новая деталь — крошечный узелок, как точка на карте, как пометка «ты была здесь». А рядом с ним — едва заметная, тончайшая, как паутинка, вторая чёточка. Только она не сияет, как остальные. Она бледная, полупрозрачная, будто недоделанная.

— Частичное прохождение, — кивает Кейси, внимательно разглядывая мою метру. — Видишь эту тусклую черту? Это значит, ты нашла ключевое событие, но не раскрыла его до конца. У тебя есть ещё две попытки, чтобы закрыть это Испытание полностью, иначе — смерть. Но на это у тебя четырнадцать дней. Передышка.

— Там был человек, — тихо говорю я. — Мужчина. Он вёз меня на машине. Мы хотели заехать к моему отцу, но я испугалась и попросила повернуть обратно. И мы попали в аварию.

— Ты вмешалась в ход событий? — Кевин хмурится.

— Кажется, да.

— Это опасно, — говорит он. — В прошлое нельзя вмешиваться бездумно. Иногда лучше позволить событиям идти своим чередом — просто наблюдать, запоминать, понимать. Если ты начнёшь менять всё подряд, метра может не выдержать. Или реальность порвётся.

— Я не знала, — я смотрю на свою метру, на этот бледный узелок. — Меня никто не предупредил.

Кейси вздыхает.

— Это наша вина. Мы думали, у тебя есть хотя бы неделя до первого Испытания. Обычно так и бывает. Но твоя метра... она очень сильная. И она очень хочет, чтобы ты вспомнила.

— Кто этот мужчина? — спрашиваю я. — Я не помню его имени. Но я чувствую, что он... был важен.

— Твой жених, — тихо говорит Кейси. — Кевин слышал, как ты говорила во сне. Ты несколько раз повторила слово «жених». И ещё какое-то имя. Кажется, Дэмиан. Или Дориан. Неразборчиво.

Дориан. Это имя отдаётся внутри колоколом. Дориан. Я не помню его, но моё тело помнит. Моё сердце помнит. Моя метра помнит.

— Мне нужно вернуться, — говорю я. — Мне нужно понять, что случилось. Почему в меня стреляли. Кто это сделал. И зачем.

Кейси и Кевин переглядываются.

— У тебя четырнадцать дней, — повторяет Кейси. — Мы поможем. Завтра ты идёшь в Коллегиум. Учишься. Готовишься. А потом — возвращаешься и проходишь Испытание до конца.

— А что, если я не справлюсь? Со второй попытки? Или с третьей?

Она долго смотрит на меня. Потом берёт мою левую руку и кладёт рядом со своей — две метры, одна длинная, другая только начинающаяся.

— Тогда ты не вернёшься, — говорит она просто. — Поэтому мы и учимся. Поэтому мы и держимся вместе. Потому что другого выхода нет.

За окном медленно светлеет небо. Ночь уходит, уступая место новому дню. Моя метра тихо сияет — теперь уже с первой отметкой. Первым шагом. Первым кусочком забытого прошлого, который стал чуть ближе.

И где-то внутри, в той пустоте, где раньше не было ничего, начинает пульсировать вопрос.

Кто такой Дориан? И почему при мысли о нём мне хочется плакать?

Глава 4.

Следующие несколько дней пролетают как в тумане. Я сплю, ем, хожу по городу, но всё это — будто через толщу воды. Настоящая я всё ещё там, в разбитой машине, под дождём, рядом с человеком, чьё имя звучит во мне набатом: Дориан. Дориан. Дориан.

Кейси не даёт мне уйти в себя. Каждое утро она стучит в дверь ровно в семь, и если я не открываю, входит без спроса, распахивает ставни и начинает щебетать. О погоде, о завтраке, о том, какие сегодня занятия в Коллегиуме. Я сначала злюсь, но к третьему дню привыкаю. Её болтовня — как якорь. Она не даёт мне утонуть.

На четвёртый день после Испытания мы идём в Коллегиум.

Здание изнутри оказывается больше, чем снаружи. Широкий холл, выложенный светлым камнем, высокие окна, льющие солнечный свет на пол. По стенам — гобелены с теми же геометрическими узорами, которые я видела в доме знахарки. Пахнет старыми книгами, воском и немного — озоном, как после грозы. Студенты в простых туниках разных цветов — я уже знаю, что цвет обозначает уровень: серый для новичков, синий для прошедших больше десяти Испытаний, чёрный для наставников.

Кейси ведёт меня по коридорам, уверенно сворачивая в нужные ответвления. Её метра, выглядывающая из-под рукава, привлекает взгляды — двадцать четыре чёрточки, двадцать четыре шага. Это больше, чем у большинства студентов в этих стенах. Некоторые смотрят с уважением, некоторые — с плохо скрытым страхом.

— Почему они так смотрят? — тихо спрашиваю я.

— Потому что я близка к финалу, — отвечает Кейси, не замедляя шага. — Большинство перерождённых не доходят и до пятнадцати Испытаний. А у меня их двадцать четыре. Скоро будет двадцать пять.

— Почему не доходят?

Она молчит пару секунд.

— Потому что с каждым Испытанием сложность растёт. Первые несколько — ты просто смотришь. Вспоминаешь. Принимаешь. А потом метра начинает показывать то, что ты не хочешь видеть. То, от чего ты бежала всю свою жизнь. И некоторые ломаются. Не выдерживают. И умирают — там, а значит, и здесь.

Мы останавливаемся у двери с табличкой «Кафедра медитации и контроля памяти». Кейси толкает её и пропускает меня вперёд.

Комната небольшая, полукруглая. Вдоль стен — мягкие коврики и низкие скамьи. В центре, на возвышении, сидит женщина. Ей около пятидесяти, но держится она с прямой спиной и спокойным, отстранённым достоинством. У неё длинные серебристые волосы, свободно пада-

ющие на плечи, и глаза странного серо-зелёного цвета. А на левой руке — метра, доходящая до плеча. Самая длинная из всех, что я видела.

— Наставница Ирэна, — шепчет Кейси мне на ухо. — Она прошла шестьдесят восемь Испытаний. Рекорд Эртанта. И она ещё жива.

— Садитесь, — говорит Ирэна.

Мы садимся на скамью перед ней. Она смотрит на меня не мигая. Под этим взглядом хочется сжаться, но что-то внутри заставляет меня выпрямиться и посмотреть в ответ.

— Новенькая, — говорит Ирэна. Это не вопрос.

— Да, наставница.

— Покажи метру.

Я протягиваю левую руку. Она берёт меня за запястье — пальцы у неё сухие, прохладные, но не неприятные, — и подносит метру к свету. Долго разглядывает. Переворачивает мою руку. Ведёт пальцем по линии, и я чувствую, как по всей руке пробегает знакомый электрический ток.

— Первое Испытание пройдено частично, — констатирует она. — Ключевое событие обнаружено. Но ты вмешалась.

— Я не знала, что нельзя.

— Можно, — поправляет она. — Иногда даже нужно. Всё зависит от задачи. Метра не всегда требует наблюдения. Иногда она требует действия. Ты почувствовала опасность и доверилась чутью — это правильно. Но ты не довела вмешательство до конца. Ты просто убежала. А сбежать от прошлого нельзя.

Она отпускает мою руку.

— Ты знаешь, почему у тебя такая сильная метра?

Я качаю головой.

— Потому что твоя прошлая жизнь закончилась насильственно. Тебя убили. И не просто убили — предал кто-то близкий. Такие смерти оставляют глубокий след. Метра это чувствует. И она будет пытаться привести тебя к разгадке. Не мешай ей.

— Но Кевин сказал, что вмешиваться опасно.

Ирэна усмехается. В её усмешке — тень чего-то древнего, усталого.

— Кевин — хороший парень. Но он осторожен до трусости. Запомни, Эмбер: прошлое нельзя изменить глобально. Ты всё равно умрёшь там и переродишься здесь. Это неизбежно. Но ты можешь изменить своё понимание прошлого. И это изменит тебя. А это, — она кивает

на мою метру, — это карта. Карта твоей души. Чем больше ты понимаешь, тем длиннее линия. Чем больше ты принимаешь, тем ярче она сияет. Чем больше ты боишься — тем тусклее.

— А что в конце? — спрашиваю я.

— Каждый видит разное. Я пока не дошла.

В комнате повисает тишина.

— Первое занятие будет простым, — говорит Ирэна. — Ты должна научиться входить в свои воспоминания без помощи метры. Сейчас ты можешь попасть в прошлое только когда она тебя выдёргивает. Но настоящий мастер сам открывает дверь, когда захочет. Это даёт контроль. Это даёт шанс.

— Зачем возвращаться туда добровольно?

— Чтобы подготовиться, — говорит она. — Чтобы изучить детали. Чтобы найти ответы до того, как метра заставит тебя отвечать на вопросы.

Она поднимается и указывает на один из ковриков в углу.

— Садись. Закрой глаза. И попробуй найти в своей памяти момент, который ты видела во время Испытания. Не весь. Хотя бы один кадр. Одно ощущение. Один запах.

Я сажусь на коврик, скрещиваю ноги и закрываю глаза. Сначала — только темнота и стук моего сердца. Потом я пытаюсь вспомнить — и проваливаюсь.

Салон машины. Мокрый асфальт. Синие глаза. Его ладонь на моём колене.

Метра на запястье теплеет.

— Хорошо, — голос Ирэны доносится откуда-то издалека. — Ты быстро схватываешь. А теперь попробуй пойти дальше. До того, как сесть в машину. Что было раньше?

Я пытаюсь. Темнота плывёт перед глазами, и я вижу обрывки. Лестница. Каменные ступени. Входная дверь, открывающаяся внутрь. И человек на пороге.

— Отец, — шепчу я. — Я вижу отца.

— Как он выглядит?

Я вглядываюсь в размытый образ. Седые волосы, усталое лицо, тёмные глаза — такие же, как у меня. В руке он держит что-то. Маленький свёрток. Или книгу. Или...

— Я не могу разобрать, — говорю я. — Оно размыто.

— Потому что ты не готова, — спокойно говорит Ирэна. — Твоя память блокирует детали, пока ты не наберёшься сил. Не форсируй. Ты увидишь это, когда придёт время.

Я открываю глаза. Наставница стоит надо мной, скрестив руки.

— На сегодня достаточно. Придёшь завтра в то же время. И ещё — зайди в архив. Попроси Хрониста показать тебе карту Узлов. Это поможет.

— Что такое Узлы?

— Ключевые события твоей жизни, — объясняет она. — Те моменты, которые метра будет показывать снова и снова. У каждого они свои — но иногда они пересекаются с Узлами других перерождённых. Хронист расскажет подробнее. А теперь иди.

Архив Коллегиума находится в подвальном этаже. Здесь царит полумрак, воздух пахнет пергаментом и пылью, и вдоль стен тянутся бесконечные стеллажи с книгами, свитками и какими-то светящимися кристаллами памяти. Кейси ведёт меня в самый дальний угол, где за массивным дубовым столом сидит человек.

Хронист.

Он стар. Очень стар. Морщины покрывают его лицо сеткой, руки — как высохшие ветви, но глаза сохранили ясность. Метра у него доходит до середины плеча — не такая длинная, как у Ирэны, но всё равно внушительная.

— Новенькая, — говорит он скрипучим голосом без удивления. — Пришла за картой Узлов.

— Да, — говорю я. — Наставница Ирэна посоветовала.

Он кивает и начинает перебирать свитки. Пальцы движутся медленно, но уверенно.

— У каждого перерождённого есть сеть Узлов. Это как дорожная карта твоего прошлого. Главные перекрёстки. Места, где твоя жизнь сворачивала в ту или иную сторону. Метра ведёт тебя по этим Узлам. Иногда — последовательно. Иногда — вразброс. Но первый Узел — всегда один и тот же.

— Какой?

— Тот, где ты впервые встретила человека, который тебя убьёт.

У меня внутри всё холодеет.

— Вы знаете, кто меня убил?

— Я — нет, — он качает головой. — Но твоя метра знает. И она покажет. Когда ты будешь готова.

Он протягивает мне свиток. Я разворачиваю его — и вижу сложную схему из золотых линий и узелков, похожую на уменьшенную копию метры. Только эта схема — объёмная. Она

показывает не только прошлое, но и возможные варианты будущего. И в центре этого переплетения сияет одна точка. Моя первая встреча с Дорианом.

— Я могу просто подождать следующего Испытания и увидеть всё сама, — говорю я.

— Можешь, — соглашается Хронист. — Но тогда ты будешь идти вслепую. А если ты изучишь карту, ты будешь знать, куда метра поведёт тебя дальше. И сможешь подготовиться.

Я сворачиваю свиток и прижимаю к груди.

— Спасибо.

— Не благодари, — ворчит он. — Это моя работа. И ещё... будь осторожна с первым Узлом. Первая встреча — она всегда самая болезненная. Потому что тогда ты ещё не знаешь, чем всё закончится. А теперь знаешь.

Вечером я сижу на крыльце общинного дома с картой Узлов на коленях. Золотые линии переливаются в закатном свете. Я вожу по ним пальцем, пытаюсь запомнить.

Семь Узлов. Семь ключевых событий, которые мне предстоит пережить заново. И первый — встреча с Дорианом. Не та, что была в машине. А самая первая. Где? Когда?

Кейси садится рядом и протягивает мне кружку с травяным отваром.

— Наставница Ирэна тебя сегодня похвалила.

— Правда?

— Сказала, у тебя редкий потенциал. Что твоя метра может вырасти очень быстро. Быстрее, чем у большинства. Но это опасно.

— Почему?

— Потому что быстрое раскрытие — это больно, — говорит Кейси. — Твоя память будет возвращаться не постепенно, а рывками. И каждый рывок — это как заново пережить смерть. Я знаю, о чём говорю.

Она закатывает рукав и показывает на один из узелков на своей метре — тот, что посередине. Он темнее остальных.

— Мой десятый Узел. Я узнала, что в прошлой жизни у меня был ребёнок. Девочка. Она умерла в три года от лихорадки. А я даже не помнила о ней, пока метра не показала. После этого Испытания я две недели не могла говорить. Просто лежала и смотрела в потолок.

— Прости, — тихо говорю я.

— Не надо извиняться. Я рассказала это не для того, чтобы ты меня жалела. А для того, чтобы ты была готова. Твоя жизнь до смерти — она была не только счастливой. Там есть боль. Много боли. И метра покажет всё.

Мы сидим молча, пока небо окончательно темнеет. Моя карта Узлов тихо светится в сумерках — семь точек, семь шагов. И первый шаг — встреча с человеком, который, возможно, меня убил.

Или, может быть, это сделал кто-то другой.

Дни проходят один за другим. Я хожу на занятия к Ирэне, учусь медитировать, погружаться в обрывки воспоминаний. Кейси учит меня основам самообороны — «на всякий случай, вдруг в прошлом пригодится». Кевин знакомит меня с другими перерождёнными. Их много — молодые и старые, весёлые и мрачные, с метрами разной длины. У каждого своя история, свой мир, из которого он пришёл. И объединяет их одно: все они застряли в Эртанте, пытаюсь разгадать тайну собственной смерти.

На седьмой день после первого Испытания я просыпаюсь — и понимаю, что метра жётся.

Не так сильно, как в первый раз. Не оглушительный писк, а мягкое, настойчивое тепло, растекающееся по запястью. Она не выдёргивает меня силой — она приглашает. Как будто говорит: «Ты готова? Если нет, подождём. Но лучше не ждать».

Я сажусь на кровати и смотрю на золотую линию. Она пульсирует ровно, спокойно, и в этом пульсе мне чудится дыхание.

— Что ты хочешь мне показать? — шепчу я.

И метра отвечает.

Свет заливает комнату, и мир вокруг исчезает.

Я снова в машине. Дождь. Ночь. И Дориан за рулём.

Но это не тот же самый момент. Мы не едем — мы стоим. Машина припаркована на смотровой площадке над городом. Внизу — море огней, уходящее к горизонту. Дождь кончился, и мокрый асфальт отражает неоновые вывески и фары машин.

И Дориан смотрит на меня. Без улыбки. Без нежности. С чем-то похожим на страх.

— Эмбер, — говорит он. — Я должен тебе кое-что рассказать. Об отце. О том, что он скрывает. Это опасно. Ты можешь мне доверять?

Я смотрю в его синие глаза — и понимаю: это и есть первый Узел. Начало. Точка, с которой всё пошло не так.

Моё сердце колотится где-то в горле, метра сияет сквозь рукав платья, и весь мир сужается до одного вопроса: что я ему отвечу? И могу ли я изменить то, что изменило меня?

Глава 5.

— Эмбер, — повторяет Дориан. Его голос доносится будто сквозь вату. — Ты слышишь меня? С тобой всё в порядке?

Я моргаю. Мир вокруг обретает резкость. Смотровая площадка. Мокрый асфальт, отражающий городские огни. Его лицо — встревоженное, растерянное. Он ждёт ответа.

Что он только что сказал?

«Я должен тебе кое-что рассказать. Об отце. О том, что он скрывает».

Моё сердце колотится так сильно, что, кажется, он должен его слышать. Но он не слышит. Он просто смотрит на меня своими синими глазами — и в них плещется страх. Не за себя. За меня. Или за нас.

Так вот с чего всё началось. Не с выстрела. Не с пакета. С этого разговора. С этой минуты на смотровой площадке над ночным городом, когда он впервые рассказал мне то, чего я — настоящая, живая Эмбер — не должна была знать.

Метра на запястье мягко теплится. Она не жжёт, не толкает — она наблюдает вместе со мной. Я чувствую её присутствие как нить, связывающую это прошлое тело с моим настоящим «я» в Эртанте. И я понимаю: сейчас важный момент. Ключевой. Если я отвечу неправильно — если пойду не по тому пути — я могу не получить нужную информацию.

— Я в порядке, — мой голос звучит спокойнее, чем я ожидала. — Просто задумалась. Что ты хотел рассказать? Об отце?

Дориан отводит взгляд. Его пальцы сжимают руль, хотя машина даже не заведена. На скулах играют желваки.

— Я не знаю, с чего начать, — говорит он наконец. — Боюсь, ты мне не поверишь. Или возненавидишь.

— Расскажи. Я выслушаю.

Он поворачивается ко мне. В свете городских огней его лицо кажется вырезанным из мрамора — красивое и пугающее одновременно.

— Твой отец... он не тот, кем кажется. Я узнал это случайно. Работа. Бумаги, которые он попросил меня передать в офис. Я не должен был их читать, но одна папка упала и раскрылась. И там были документы. Не деловые. Личные.

— Какие документы?

— Досье. На тебя. На меня. На твою мать. Отчёты о наблюдении за последние десять лет. И ещё — проект под названием «Эос».

Слово падает в тишину автомобиля, как камень в воду. Проект «Эос». Я не помню этого названия, но моя метра вспыхивает ярче — на мгновение, как маяк в тумане. Она узнаёт это слово. Оно важно.

— Что за проект? — шепчу я.

— Я не понял до конца. Там были медицинские отчёты. Какие-то эксперименты. Испытания на людях. И твоё имя фигурировало несколько раз. В детстве. Ты была... пациентом?

— Я не помню ничего такого.

— Потому что он стёр тебе память, — Дориан смотрит мне прямо в глаза. — В документах упоминалась процедура под названием «мнемоническая чистка». Проводилась трижды. Последний раз — когда тебе было шестнадцать.

В машине повисает тишина. Где-то далеко внизу шумит город, но здесь, наверху, только наши сердца и правда, которая рушит всё, во что я верила.

Мнемоническая чистка. Стирание памяти. Мой отец делал это со мной. Трижды.

И вдруг я понимаю: не поэтому ли я ничего не помню? Не только из-за смерти. Из-за того, что мою память стирали задолго до того, как меня убили. И метра в Эртанте — она не просто возвращает меня к забытому. Она возвращает меня к украденному.

— Ты злишься? — тихо спрашивает Дориан.

— Я не знаю, что чувствую, — отвечаю я честно. — Я пока не понимаю.

— Я хотел рассказать тебе раньше, но боялся. Боялся, что ты не поверишь. Или что это опасно. Твой отец... он не просто учёный, Эмбер. У него связи. Влияние. Люди, которые на него работают. Если он узнает, что я видел эти документы...

— Что он сделает?

Дориан не отвечает. Но его молчание красноречивее любых слов.

— Вот почему ты хотел заехать к нему сегодня, — вдруг осеняет меня. — Ты хотел поговорить с ним? Потребовать объяснений?

— Да. Но я не могу подвергать тебя опасности. Поэтому я сначала хотел спросить тебя. Ты имеешь право знать. А уже потом — решать, что делать.

Передо мной встаёт выбор.

И я вспоминаю слова Ирэны: «Прошлое нельзя изменить глобально. Но ты можешь изменить своё понимание прошлого. И это изменит тебя».

Я не могу предотвратить свою смерть. Но я могу понять, почему это случилось. И кто нажал на курок.

— Мы поедem к нему, — говорю я. — Но не сегодня.

— Почему?

— Потому что сегодня ты попадёшь в аварию, если мы поедem, — слова вырываются раньше, чем я успеваю их остановить.

Дориан удивлённо поднимает брови.

— Что?

— Я... — я замолкаю. Что я могу сказать? Что я из будущего? Что я уже проживала этот вечер и он закончился скрежетом металла и темнотой? — Просто предчувствие. Плохое. Доверься мне. Пожалуйста.

Он долго смотрит на меня. Потом кивает.

— Хорошо. Не сегодня. Когда скажешь.

— Завтра. Утром. Ты заедешь за мной, и мы поедem к отцу. Вместе.

— Договорились.

Я чувствую, как внутри распускается тугой узел. В прошлый раз я убежала от опасности — и всё равно попала в неё. В этот раз я не убегаю. Я стою на месте и принимаю решение.

И метра на запястье сияет ровным, спокойным светом, как будто говорит: «Да. Так правильно».

Мир вокруг начинает расплываться. Огни города сливаются в золотые полосы, звук его голоса уходит вдаль, и я чувствую знакомое ощущение — меня выдёргивает обратно.

Но в этот раз иначе. Не резкий рывок, а плавное всплытие. Как будто метра отпускает меня с благодарностью, а не с наказанием.

Я открываю глаза в своей комнате в Эртанте.

За окном — утро. Солнце только встаёт. На табурете у кровати — Кейси. Она спит, положив голову на скрещенные руки на краю матраса. Её метра тихо светится в полутьме, переплетаясь с моей — наши руки лежат рядом, и золотые линии словно тянутся друг к другу.

Я осторожно, чтобы не разбудить её, поднимаю левую руку к глазам.

Метра изменилась. Опять.

Линия стала ещё длиннее — теперь она тянется почти на два сантиметра от запястья. И там, где раньше была одна бледная, полупрозрачная чёрточка, теперь две. Вторая — яркая, чёткая, золотая. Полное прохождение.

Я закрыла первый Узел.

Я узнала то, что должна была узнать в тот вечер. Я не убежала. Я выслушала.

— Ты вернулась, — голос Кейси сонный, но радостный. Она поднимает голову, трёт глаза и смотрит на мою метру. — И ты закрыла Узел. Полностью. Я же говорила — у тебя потенциал!

— Он не тот, — говорю я. — Не Дориан. Это не он убил меня.

— Откуда ты знаешь?

— Он боялся за меня. Он пытался защитить. Человек, который стрелял — это не он.

Кейси хмурится.

— Тогда кто?

— Думаю, мой отец. Или кто-то, кто на него работает.

Она берёт мою руку и внимательно разглядывает новый узелок на метре.

— Ты продвинулась дальше, чем большинство новичков за месяц. Но не зазнавайся. Впереди ещё шесть Узлов. И каждый следующий — сложнее предыдущего.

— Я знаю.

— Что ты теперь будешь делать?

Я смотрю в окно на встающее солнце.

— Готовиться. Изучать карту. Ходить к Ирэне. И ждать, когда метра позовёт снова. Потому что теперь я точно знаю: моя смерть — это не случайность. Это конец длинной цепочки событий, которая началась задолго до того выстрела. И я распутаю её до конца.

Кейси кивает и отпускает мою руку.

— Тогда вставай. Сегодня у нас спарринг. Я научу тебя держать нож. На всякий случай.

Дни снова сменяют друг друга. Я тренируюсь с Кейси, медитирую с Ирэной, изучаю карту Узлов в архиве у Хрониста. Второй Узел, судя по схеме, связан с моим отцом напрямую. Встреча с ним. Или разговор. Или что-то, чего я пока не вижу.

А ещё я много думаю о Дориане. О том, как он смотрел на меня там, на смотровой площадке. С любовью. Со страхом. С надеждой.

Он не предавал меня. Он пытался спасти.

И где-то там, в моём прошлом, он всё ещё ждёт меня. В то утро, когда мы должны были поехать к отцу. В то утро, которое ещё не наступило.

Но скоро наступит.

Моя метра тихо светится в темноте, отсчитывая дни до следующего Испытания. И я знаю: второй Узел будет страшнее первого. Потому что там — мой отец. Человек, который стирал мне память. Человек, который называл меня дочерью, а сам превратил в подопытную.

И когда я увижу его снова, я уже не буду той Эмбер, которая ничего не помнит. Я буду той, кто знает. И готова узнать больше.

Глава 6.

Второй зов метры приходит на тринадцатый день.

Я как раз заканчиваю тренировку с Кейси. Точнее, пытаюсь закончить — она гоняет меня по тренировочной площадке уже второй час, и мои руки дрожат от усталости, сжимая деревянный нож. Солнце клонится к закату, раскрашивая небо над Эртантом в алые и золотые полосы. Пыль, поднятая нашими ногами, висит в воздухе золотистой взвесью.

— Ещё раз, — командует Кейси. — Ты слишком медленно реагируешь на захват слева. А теперь представь, что это не тренировка. Представь, что ты в своём прошлом, и кто-то пытается вырвать у тебя тот самый пакет.

— Я даже не знаю, что в том пакете, — выдыхаю я, но послушно становлюсь в стойку.

— Вот вернёшься — узнаешь. А пока — защищайся!

Она бросается на меня — быстрая, как змея. Я уворачиваюсь, блокирую её руку, пытаюсь провести контрприём, но Кейси легко выкручивается и обезоруживает меня одним движением. Деревянный нож летит в пыль.

— Неплохо, — она подаёт мне руку и помогает подняться. — Для новичка. Но всё равно недостаточно. Если твой отец действительно опасен, тебе понадобятся реальные навыки, а не...

Она не договаривает. Потому что я замираю.

Знакомое тепло разливается по левому запястью. Не резкое, не обжигающее — мягкое, но настойчивое. Метра светится под рукавом туники, и я чувствую, как пульс подстраивается под её ритм.

— Эмбер? — голос Кейси доносится издалека. — Опять? Уже?!

— Да, — шепчу я, опускаясь на колени прямо в пыль. — Второй Узел. Он зовёт.

— Я позову Кевина! Мы будем...

Но я уже не слышу окончания фразы. Мир вокруг гаснет, закручивается в золотую воронку, и я проваливаюсь в прошлое.

Сначала — запах.

Старое дерево. Книжная пыль. Табак. И что-то ещё — резкое, медицинское, как в лаборатории. Спирт. Или формалин.

Потом — свет. Яркий, искусственный, бьющий в глаза. Я стою на пороге. Передо мной — открытая дверь, за ней — кабинет. Книжные шкафы вдоль стен, массивный письменный стол красного дерева, кожаное кресло. На столе — стопки бумаг, старый компьютер с погасшим экраном, рамка с моей фотографией. И стеклянный стакан с недопитым виски.

За столом сидит мой отец.

Он старше, чем в моих размытых воспоминаниях. Седые волосы, глубокие морщины у глаз и рта, тяжёлый взгляд из-под кустистых бровей. Он смотрит на меня — и я понимаю: он ждал. Знал, что я приду.

— Эмбер, — говорит он. Его голос — низкий, с хрипотцой. Голос человека, который много курит и мало спит. — Проходи. Нам нужно поговорить.

Я делаю шаг в кабинет. Ноги ватные, сердце колотится где-то у горла, но я заставляю себя идти. Потому что это мой второй Узел. Потому что я должна узнать.

— Ты знал, что я приду?

— Разумеется. Дориан вчера заезжал ко мне. Без тебя. Сказал, что ты отложила разговор до утра, но ему нужно было понять кое-что самому.

Я замираю.

— Что он тебе сказал?

Отец берёт стакан, делает глоток виски, не сводя с меня глаз.

— Сказал, что видел документы. Что знает про проект «Эос». И что у него есть копии. А потом попросил оставить тебя в покое.

— И что ты ответил?

— Я ответил, что это невозможно. Ты — часть проекта. Всегда была. С самого рождения.

В комнате повисает тишина. Такая густая, что её можно резать ножом. Я стою посреди кабинета, сжимая кулаки, и чувствую, как метра пульсирует на запястье. Она не предупреждает об опасности. Она говорит: «Слушай. Это важно».

— Что такое проект «Эос»? — спрашиваю я.

Отец поднимается из-за стола. Он высокий — я и забыла, насколько он высокий. Подходит к одному из книжных шкафов, нажимает на корешок книги — фальшивый, — и шкаф с тихим жужжанием отъезжает в сторону. За ним — стальная дверь с кодовым замком.

— Я покажу тебе. Ты имеешь право знать. Но предупреждаю: обратной дороги не будет.

— Она уже закрылась, — говорю я. — В тот момент, когда ты трижды стирал мне память.

Он вздрагивает. Так, будто я его ударила.

— Откуда ты...

— Дориан рассказал. Ночью. На смотровой площадке. Он успел рассказать мне про мнемоническую чистку.

Отец закрывает глаза. Лицо его становится старым и усталым.

— Я не хотел. Это не моё решение, Эмбер. Это протокол. И если бы ты не потеряла память, ты была бы мертва уже тогда, в шестнадцать лет.

— О чём ты говоришь?

Вместо ответа он набирает код на замке. Стальная дверь открывается — плавно, почти беззвучно. За ней — крутая лестница, уходящая вниз, в подвал, которого не должно быть в этом доме. Я спускаюсь следом за отцом.

Подвал оказывается лабораторией.

Длинное помещение без окон, залитое холодным белым светом. Вдоль стен — стойки с оборудованием, мониторы, шкафы с пробирками и образцами. В центре — медицинское кресло со сложной системой ремней и датчиков. И везде — везде — символ. Стилизованная буква «Э» с расходящимися лучами, как стилизованное солнце. Эос.

— Богиня зари, — тихо говорю я, глядя на символ. — Эос.

— Ты помнишь, — в голосе отца смесь надежды и ужаса.

— Нет. Просто знаю греческую мифологию. Но ты расскажешь мне всё. Сейчас.

Отец подходит к одному из мониторов, включает его. На экране появляются схемы, графики, текст. Я не успеваю прочитать — слишком много и слишком быстро.

— Проект «Эос» был основан пятьдесят лет назад, — начинает он. — Его цель — создание человека с управляемой памятью. Солдата, чьё сознание можно перепрограммировать. Идеального агента. Идеального убийцу. Идеального... носителя.

— Носителя чего?

— Душ. Личностей. Воспоминаний. Того, что в проекте называли «мнемоническим материалом». Представь: один человек, который может хранить сотни чужих жизней. Все знания. Все навыки. Вся информация, накопленная другими.

Я смотрю на кресло в центре комнаты. На ремни. На датчики.

— Я была в этом кресле.

— Да. Много раз. Ты — единственный успешный образец. Единственный ребёнок, который пережил процедуру внедрения. Все остальные либо умерли, либо сошли с ума. А ты выжила. И твоя память стала... особенной.

— Поэтому ты стирал её?

— Чтобы защитить тебя, — он поворачивается ко мне, и я вижу — он верит в то, что говорит. — Проект закрыли, когда тебе было десять. Официально. Но неофициально — он продолжался. Люди, которые за ним стояли, охотились за тобой. Если бы они узнали, что твоя память активна, они бы забрали тебя. Сделали бы из тебя оружие. Я стёр твои воспоминания, чтобы спасти. Чтобы ты жила нормальной жизнью. Хотя бы какое-то время.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.